

УДК 94(47)+94(517)

DOI 10.24412/1026-8804-2021-1-194-208

Дальневосточная республика: от «конспиративной квартиры» до «колыбели» Монгольской революции¹

Леонид Владимирович Курас,

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ.

E-mail: kuraslv@yandex.ru

Базар Догсонович Цыбенков,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ.

E-mail: bazar75@mail.ru

В статье рассмотрены учреждение и эволюция Дальневосточной республики как базового субъекта, посредника и своеобразной «конспиративной квартиры» для монгольских революционеров в деле их взаимодействия с Советской Россией. Создание же на территории «буферного государства» Монгольской народно-революционной партии даёт все основания считать ДВР «колыбелью» Монгольской революции. Освещая предысторию республики, авторы отмечают большую роль Политцентра, учреждённого в Иркутске в ноябре 1919 г. меньшевиками и эсерами. Установлено, что впервые вопрос о «буферном государстве» был поднят на переговорах Политцентра с Реввоенсоветом 5-й Армии и Сибревкомом в Томске в январе 1920 г. ДВР, несмотря на своё краткое существование, всё же оставила заметный след в истории русского Дальнего Востока. Под влиянием ДВР и Советской

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ-Мин ОКН (Монголия), проект № 19-59-44004 «Монгольская революция 1921 г. в зеркале транснациональной истории монгольского мира» (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.). Авторы благодарят анонимных рецензентов за ценные замечания и рекомендации, позволившие значительно улучшить статью.

России кардинальные изменения произошли в соседней Внешней Монголии — бывшей национальной окраине Цинской империи. Авторы особенно подчёркивают значение пограничного Троицкосавска в организации Монгольской революции 1921 г., также выделяют роль первого советского уполномоченного Народного комиссариата по иностранным делам РСФСР в Монголии О.И. Макстенека, осуществившего всю черновую работу по подготовке исторической встречи монгольской «семёрки» сначала с руководством ДВР, а затем и Советской России. Отмечено тесное взаимодействие О.И. Макстенека с председателем Совета министров ДВР Б.З. Шумяцким по вопросам обустройства и передвижения монгольской делегации. Авторы раскрывают суть последующих событий в преддверии Монгольской революции 1921 г., включая пребывание и деятельность монгольской делегации в Иркутске, Троицкосавске, на территории Джидинской долины; конец монгольской эпопеи барона Унгерна. Как показывают факты, все описываемые революционные события в России и Внешней Монголии в 1920—1921 гг., центром притяжения которых явился Троицкосавск, развивались динамично и целиком в русле транснациональной истории.

Ключевые слова: Советская Россия, Дальневосточная республика, ДВР, «буферное государство», Троицкосавск, О.И. Макстенок, Монгольская революция.

The Far Eastern Republic: From the “Safe House” to the “Cradle” of the Mongolian Revolution.

Leonid Kuras, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS, Ulan-Ude, Russia. E-mail: kuraslv@yandex.ru.

Bazar Tsybenov, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS, Ulan-Ude, Russia. E-mail: bazar75@mail.ru.

The paper analyzes the formation and the evolution of the Far Eastern Republic as a basic entity, mediator and a peculiar “safe house” for Mongolian revolutionaries in their relations with Soviet Russia. The creation of the Mongolian People’s Revolutionary Party on the territory of the “buffer state” makes it possible to consider the Far Eastern Republic the “cradle” of the Mongolian revolution. The authors point out a significant role of the Political Centre which was founded by the Mensheviks and the socialist-revolutionaries in November 1919. The question about the “buffer state” was raised during the negotiations between the Political Center and the Revolutionary Military Council of the Fifth Army and the Siberian Commissariat in Tomsk in January 1920. Despite its short existence, the Far Eastern Republic left a distinctive mark in the history of the Russian Far East. Under the influence of the Far Eastern Republic and Soviet Russia, fundamental changes happened in Outer Mongolia — the former national remote area of the Qing Dynasty. The authors emphasize the role of Troitskosavsk

in the organization of the Mongolian Revolution of 1921 and the first Soviet Representative of the People's Commissariat of Foreign Affairs of the RSFSR in Mongolia O.I. Makstenek, who organized a historic meeting of the Mongolian "group of seven" with the authorities of the Far Eastern Republic and Soviet Russia. O.I. Makstenek worked closely with the Chairman of the Council of Ministers of the Far Eastern Republic B.Z. Shumyatsky on the issues of the arrangement and movement of the Mongolian delegation. The authors reveal the core of subsequent events shortly before the Mongolian Revolution of 1921 including the stay and activities of the Mongolian delegation in Irkutsk, Troitskosavsk, on the territory of the Dzhida Valley, and the end of the military campaign of Baron Ungern to Mongolia. All described revolutionary events in Russia and Outer Mongolia in 1920–1921, where Troitskosavsk played a special role, developed dynamically and entirely in the mainstream of transnational history.

Keywords: Soviet Russia, Far Eastern Republic, FER, "buffer state", Troitskosavsk, O.I. Makstenek, the Mongolian revolution.

6 апреля 2020 г. исполнилось 100 лет со дня учреждения Дальневосточной республики (ДВР), которая просуществовала всего 2,5 года, но оставила заметный след в революционной истории России XX в., в истории международных отношений, а также в истории Монгольской революции 1921 г. и перевернула наше представление о самой сути «марионеточного» государства.

«МЫ ПРЕДЛАГАЕМ ОБРАЗОВАТЬ ЗДЕСЬ БУФЕРНОЕ ГОСУДАРСТВО...»

Учреждению ДВР предшествовала «революция в колчакии», когда колчаковщина не оправдала надежд зарубежных «инвесторов», в результате чего в Иркутске активизировалась «демократическая контрреволюция» — меньшевики и эсеры. По этому поводу профессор В.Т. Агалаков писал: «12 ноября 1919 г. в Иркутске на Всесибирском совещании земств и городов они вместе с близкими им группами образовали так называемый „политический центр“, межпартийный антисоветский орган» [1, с. 36]. Руководитель Сибирского комитета РКП(б) и Иркутского рескома А.А. Ширямов вспоминал, что Политцентр «попытался вступить в переговоры с Иркутской организацией партии и привлечь её к участию в восстании под лозунгами, выставленными Политцентром» [29, с. 122–139].

В конце 1919 г. началось Иркутское восстание, и 5 января 1920 г. колчаковщина пала. Возник своеобразный вакуум власти, которая перешла к Политцентру, стремившемуся договориться с остатками белых

и наступавшими красными. Этот орган продержался на плаву до 21 января 1920 г. На базе колчаковского аппарата возникли политцентровские «министры»-управляющие: меньшевик И. Ахматов — ведомство иностранных дел; эсер Н. Калашников — военное ведомство; меньшевик Н. Константинов — ведомство печати и информации и др. [17, с. 45]. Тогда же Политцентр вступил в переговоры с Советской Россией, мотивируя это сложной международной обстановкой и военным положением Советской России на Дальнем Востоке. В.И. Ленин, будучи последовательным сторонником освобождения Сибири, понимал сложность ситуации и в конце 1919 г. выступал против безудержного продвижения Красной армии на восток. 15 декабря 1919 г. в телеграмме на имя Председателя Сибревкома, члена Реввоенсовета 5-й Армии И.Н. Смирнова он писал: «Помните, что будет преступлением чрезмерно зарываться на Восток...» [11, с. 92].

В середине января 1920 г. Политцентр направил навстречу наступающей 5-й Армии делегацию во главе с И. Ахматовым. Переговоры состоялись 19 января 1920 г. в Томске. В 1927 г. был опубликован «Журнал объединённого заседания мирной делегации Политического центра с Реввоенсоветом 5-й Армии и Сибревкомом от 19 января 1920 г.» [9]. На переговорах делегация Политцентра высказала опасение, что наступление Красной армии вызовет активизацию военных действий со стороны Японии и столкновения с чехословаками. И. Ахматов предложил «...здесь образовать буферное государство и демократическое правительство...» [4]. Таким образом, идея «буфера» и само понятие «буферное государство» принадлежали Ивану Ивановичу Ахматову, борцу с колчаковским режимом, а в последующем — функционеру ДВР, чьи действия получили достойную оценку в российской историографии [18; 19].

«БУФЕР», КОТОРЫЙ УСТРАИВАЛ ВСЕХ

Отечественными исследователями ДВР никогда не оценивалась как марионеточное государство, ибо они осознавали причину возникновения, временный характер существования и функцию, которую та должна была осуществить [28; 5; 24]. Сюда же следует отнести и статус «международной полноценности» [6, с. 10], вернее его фактическое отсутствие. Для современной российской историографии важен тот феномен, который навсегда запечатлел в истории новое государственное образование: ДВР появилась в «нужное время и в нужном месте». Она устраивала всех политических игроков: Москву, Токио, Вашингтон, Иркутский Политцентр и другие периферийные силы Дальнего Востока.

В начале марта 1920 г. в Иркутск вошла 5-я Армия, установив тем самым Советскую власть в Восточной Сибири. Но дальнейшему продвижению

красных препятствовало нахождение японских войск, оккупировавших Забайкалье и Дальний Восток. В этих условиях правительство РСФСР, не имевшее реальных возможностей вступить в вооружённую борьбу с Японией, нашло решение проблемы путём образования демократического, формально суверенного, государства — Дальневосточной республики. Для создания ДВР и обеспечения контроля за деятельностью её правительства со стороны РСФСР в марте 1920 г. было учреждено Дальбюро РКП(б) с подчинением ЦК партии. Ещё в феврале 1920 г. В.И. Ленин направил телеграмму Л.Д. Троцкому, командованию 5-й Армии и Председателю Сибревкома И.Н. Смирнову: «...Мы окажемся идиотами, если дадим себя увлечь глупым движением вглубь Сибири, а в это время Деникин оживёт и поляки ударят. Это будет преступление» [13, с. 137]. Данное решение являлось взвешенным и единственно правильным, так как территория от Байкала и до Владивостока кишела японскими войсками, а Советская Россия стояла на пороге войны с Польшей.

Наличие «буфера» оказалось необходимым для Японии: в условиях соперничества с США за влияние на русский Дальний Восток вместо аннексии она предпочла идею создания «государства», где полагала играть главную роль.

США также рассчитывали, что мощь их экономики позволит им стать единоличными хозяевами в регионе. При этом Советская Россия осознавала и использовала в своих интересах преимущества от соперничества Токио и Вашингтона.

Свою игру пытался проводить и Иркутский Политцентр: для остатков белых и для иностранных дипломатов И. Ахматов озвучивал версию, что «буфер» нужен для остановки наступления красных, а на переговорах с большевиками выдвигались доводы прямо противоположные.

Но был ещё один «игрок», о существовании которого не подозревал ни один из участников данного политического действия, появившийся уже после образования ДВР и получивший от существования нового государства не меньше, а может быть, и больше, нежели Советская Россия.

«ДОВОЛЬНО ВЕСЁЛАЯ РЕСПУБЛИКА»

6 апреля 1920 г. официально была создана Дальневосточная республика со столицей в г. Верхнеудинске. Делегаты съезда обратились ко всем правительствам и народам мира с декларацией об образовании независимого демократического государства. ДВР стала буферной зоной между РСФСР и Японией. У республики были свой герб, флаг, валюта (рубль ДВР). 14 мая 1920 г. государство получило официальное признание от правительства РСФСР, которое выразило готовность вступить в официальные дипломатические отношения [14, с. 87—98].

В июне 1920 г. по указанию Советского правительства в Китай была отправлена миссия Дальневосточной республики для урегулирования экономических и дипломатических связей, для нормализации отношений между РСФСР и Китаем. Тем самым Верхнеудинск становится своеобразным центром революционной демократии, экспериментальной площадкой невиданного ранее опыта, проводимого большевиками.

8 октября 1920 г. в Чите была принята декларация «О создании Дальневосточной республики в границах от озера Байкал до Тихого океана». Территория ДВР охватывала Забайкальскую, Амурскую, Приморскую, Камчатскую области и север Сахалина. Основные посты в правительстве республики заняли члены Дальбюро РКП(б), выполнявшие указания ЦК РКП(б) и лично В.И. Ленина. Возглавлял правительство ДВР член РКП(б) А.М. Краснощёков, который одновременно являлся министром иностранных дел.

21 октября 1920 г. в связи с освобождением Читы от семёновцев и иностранных интервентов правительство переехало туда из Верхнеудинска. Острословы периода ДВР расшифровывали аббревиатуру как «Довольно весёлая республика». По воспоминаниям Виктора Кина, одного из участников большевистского подполья на Дальнем Востоке, «Это была весёлая республика — ДВР! В парламенте бушевали фракции, что-то вносили, согласовывали... Над председателем висел герб, почти советский, но вместо серпа и молота были кайло и якорь. Флаг был красный, но с синим квадратом в углу. Армия носила пятиконечные звёзды — но наполовину синие, наполовину красные. И вся республика была такой же, половинной» [8]. Очевидцы так описывали портовый Владивосток в те годы: «Этот окраинный город был тогда похож на какую-нибудь балканскую столицу по напряжённости жизни и на военный лагерь по обилию мундиров. Кафе, притоны, бесчисленные, как клопы... спекулянты, торгующие деньгами обоих полушарий и товарами всех наименований. Газеты восьми направлений. Морфий и кокаин, проституция и шантаж, внезапные обогащения и нищета, мчащиеся автомобили, литературная и прочая богема. Парламенты. Военные диктатуры. Речи с балконов. Мундиры чуть ли не всех королевств, империй и республик. Лица всех оттенков, всех рас до американских индейцев включительно. Белогвардейцы и партизаны, монархический клуб рядом с митингом левых. Американские благотворители. Шпики. Взлетающие на воздух поезда в окрестностях. Пропадающие неведомо куда люди... Перенесите всё это за восемь тысяч вёрст от Москвы, отдайте одну улицу белым, а другую — красным, прибавьте сюда по полку, по роте солдат разных наций, от голоколенных шотландцев до аннамитов и каких-то неведомых чернокожих — и вот вам Владивосток переходных времён» [4]. Однако ДВР оставила след в истории и памяти русского Дальнего Востока, ибо опыт строительства «буфера» с целью

недопущения войны с Японией стал одной из первых попыток в мировой истории совмещения революционной диктатуры пролетариата и крестьянства с буржуазными институтами с целью завершения кровопролитной Гражданской войны в России. Для нас же опыт ДВР ассоциируется с ещё одним важным событием — Монгольской революцией 1921 г.

1920 г. В ЖИЗНИ МОНГОЛИИ

События 1920 г. имеют значение не только для истории России. В Монголии этот год также был ключевым. В июне 1920 г. две подпольные антикитайские группы «Консульский холм» (Д. Бодоо и Х. Чойбалсан) и «Восточное хурэ» (С. Данзан, Д. Догсом, Д. Сухэ-Батор) объединились в Монгольскую народную партию (МНП). Её лидеры решили обратиться за помощью к Советской России [13, с. 79].

Интерес РСФСР к установлению связей с Монголией был обусловлен не только географической близостью. Он имел более глубокие причины: во-первых, советские руководители осознавали стратегическое значение Монголии (в деле распространения коммунистических идей ей отводилась роль плацдарма революции в Азии [23]); во-вторых, интерес к этой стране подогревался стремлением к возмещению огромных потерь в Гражданской войне за счёт монгольских ресурсов. Партийные и государственные органы РСФСР и ДВР стремились содействовать монголам в борьбе с китайскими захватчиками, а в более широком плане — в утверждении в государстве революционных начал.

В марте 1918 г. Советская Россия сообщила правительству Монголии о том, что отказывается от всех прежних договоров царского времени и готова к равноправным отношениям. В августе 1919 г. с советской стороны поступило новое обращение к правительству и народу Монголии, в котором за последним признавалось право самостоятельно устраивать государственную жизнь и предлагалось установить дипломатические отношения.

В марте 1920 г. в Ургу прибыл сотрудник Сиббюро ЦК РКП(б) Н.Г. Буртман, который разъяснил монгольским революционерам суть политики большевистской партии [2, с. 181]. В мае 1920 г. в Ургу приехали советские представители, возглавляемые сотрудником Сибирского бюро РКП(б) С.С. Борисовым [22, с. 29]. Тогда же у монгольских революционеров возникает мысль направить делегацию в Россию для переговоров. 25 июня 1920 г. на Учредительном собрании МНП такое решение было принято: сначала планировалось отправить С. Данзана и Х. Чойбалсана, за ними — Д. Бодоо и Д. Чагдаржава, а чуть позднее — Д. Сухэ-Батора, Д. Догсома и Д. Лосола.

ДВР КАК «КОНСПИРАТИВНАЯ КВАРТИРА»

Троицкосавск

В июне 1920 г. начал свою деятельность уполномоченный НКВД РСФСР в Монголии Отто Иванович Макстенок [26, с. 17]. Он не был пропущен китайскими оккупационными властями в Ургу и остановился на границе, в Троицкосавске. Это не смутило старого большевика (член партии с 1904 г.). Обустроившись в городе, он стал налаживать связи с монгольскими революционерами для оказания им всемерной помощи, включая взаимодействие с представителями власти Советов [22, с. 27–28].

Архивные документы, историческая и мемуарная литература свидетельствуют, что О.И. Макстенок был первым официальным лицом, принимавшим монгольских делегатов. О его работе с монголами можно узнать из доклада «Итоги деятельности уполномоченного Наркоминдел в Монголии О.И. Макстенека за время с 1-го июня 1920 г. по март 1921 г.», заверенная копия которого хранится в Центральном архиве внешних сношений Монголии. В докладе говорилось, что организационная работа О.И. Макстенека началась со знакомства с С. Данзаном и Х. Чойбалсаном, прибывшими к нему с письмом М.И. Кучеренко в середине 1920 г. [ЦАВСМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 594. 48 л.]. Именно О.И. Макстенку было озвучено обращение делегации представителей монгольского народа и МНП с просьбой «начать переговоры с правительством Советской России для оказания помощи Монголии в её борьбе за освобождение» [20, с. 106–107]. В ответ О.И. Макстенок выразил уверенность, что монгольский народ обретёт независимость. При этом он извинился за то, что не может принять делегацию официально как представителей монгольского народа ввиду нелегальности положения МНП «при теперешних обстоятельствах международной политики» [21, с. 208]. Своим утверждением уполномоченный подчеркнул: международное положение РСФСР таково, что она не может напрямую контактировать с представителями нелегальной монгольской партии, поскольку эти действия могут вызвать нежелательную реакцию со стороны Китая, США и Японии. И в этой связи ДВР приобретала статус не только «буфера», но и «конспиративной квартиры», Троицкосавск становился форпостом будущей монгольской революции, а О.И. Макстенку отводилась особая роль. Так, в «Краткой истории возникновения национальной революции монгольского народа», одним из авторов которой был Х. Чойбалсан, подчёркивается, что С. Данзану и Х. Чойбалсану было поручено «...встретиться с консулом Макстенком, получить указание о дальнейшем пути, по пребыванию на отправленное им место ставить его в известность о своих делах с дальнейшей передачей в Ургу». Уполномоченный НКВД РСФСР был осведомлён о делах монголов, знал о цели приехавших и собирался отправить их в столицу ДВР

Верхнеудинск. В ожидании парохода из Верхнеудинска С. Данзан и Х. Чойбалсан провели ещё несколько дней в Троицкосавске, ежедневно они бывали у О.И. Макстенека и осуществляли приготовления к дальнейшей поездке. В свою очередь, уполномоченный вплотную занимался вопросами отправки С. Данзана и Х. Чойбалсана, находясь в прямой связи с председателем Совета министров ДВР Б.З. Шумяцким. Поэтому О.И. Макстенок отправил монголов без сопроводительного письма, указав лишь адрес, по которому им следовало прийти [25, с. 17].

Вторая группа делегатов — Д. Бодоо и Д. Чагдаржав — прибыла в Троицкосавск в начале августа. Вместе с ними ехали С.С. Борисов и Ц.-И. Дашепылов [26, с. 15; 16, с. 23]. При встрече с О.И. Макстенком Д. Бодоо и Ч. Чагдаржав вручили ему «Обращение от представителей монгольского народа и Народно-революционной партии Внешней Монголии». В документе, датированном 2 августа 1920 г., говорилось: «...в результате соглашения в Советскую Россию отправляется правомочная делегация от всего монгольского народа с целью установления прочной связи между революционным народом Российской Республики и Монголией, выяснения отношения Советской власти к Монголии в её борьбе за освобождение» [7, с. 202].

Третья группа монгольских делегатов — Д. Сухэ-Батор, Д. Догсом и Д. Лосол — прибыла в Троицкосавск 8 августа 1920 г. [25, с. 18]. Их встретили О.И. Макстенок и представитель Дальневосточного секретариата Коминтерна И.А. Сороковиков [11, с. 164]. Делегация привезла «Письмо князей и лам Внешней Монголии» [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 7]. С этим документом Д. Сухэ-Батор, Д. Догсом и Д. Лосол, прибыв в Иркутск, обратились к Сибирской миссии ЦК РКП(б) и Советскому правительству.

Таким образом, с 4 июля по 10 августа 1920 г. Троицкосавск был местом приёма трёх групп монгольских делегатов, где они отработывали все организационные вопросы с Уполномоченным НКВД РСФСР О.И. Макстенком, а затем с его помощью направлялись в Верхнеудинск для встречи с руководством ДВР. Дальневосточная республика становилась участницей большой политической игры.

Верхнеудинск

Местом встречи трёх групп монгольских делегатов в августе 1920 г. стала столица ДВР Верхнеудинск. В книге Х. Чойбалсана подчёркивается, что первую делегацию принял председатель Совета министров и министр иностранных дел ДВР, секретарь Дальневосточного бюро РКП(б) Б.З. Шумяцкий, который, ознакомившись с целью приезда монголов, попросил подождать решения и посоветовал в случае надобности общаться с ним через сопровождающего их бурята. С. Данзану и Х. Чойбалсану пришлось больше месяца находиться в Верхнеудинске [25, с. 18]. Причины долгого ожидания объяснялись как международной обстановкой, так и статусом ДВР:

во-первых, Сиббюро ждало информации от С.С. Борисова и Ц.-И. Дашепылова, поехавших в Ургу для изучения положения МНП; во-вторых, советская сторона стремилась ознакомить делегатов с опытом и методами революционной работы; в-третьих, Б.З. Шумяцкий не имел достаточных полномочий и ждал указаний из Москвы [25, с. 18; 16, с. 32]. Тем не менее встреча с руководителем ДВР имела огромное значение как для монгольских делегатов, так и для «буферного» государства. Б.З. Шумяцкий фактически стал официальным экспертом позиции МНП и тем самым окончательно определил позицию ДВР, а по сути Советской России, по отношению к Монголии; уездный Верхнеудинск при этом превратился в субъект международной политики. Указанные факты способствовали тому, что монгольский вопрос вызвал пристальный интерес руководства РСФСР. Для монгольской делегации это стало приятной неожиданностью [12, с. 181]. Однако цель делегации — получение советской помощи в деле восстановления теократической монархии Богдо-гэгэна — оказалась не достигнута. Руководство Советской России и РКП(б) старалось не вмешиваться во внутривнутриполитическую борьбу Монголии. И тому были причины: во-первых, по мнению большевиков, революционный процесс в Китае вмещал в себя и аналогичные процессы в Монголии как части Китая; во-вторых, мировое сообщество имело свою сложившуюся дипломатическую практику, нарушать которую РСФСР была не вправе и потому на официальном уровне проводила более сдержанную, осторожную политику. В свете этого становится понятно положение монгольской делегации. Тем не менее правительство ДВР предпринимало меры, направленные на урегулирование российско-монгольских взаимоотношений, которые дали положительный результат. И пребывание монгольских делегатов в Иркутске, а затем в Москве, где состоялась встреча с руководством Советской России во главе с В.И. Лениным, свидетельствуют об этом [10; 2; 27].

Между тем барон Р.Ф. Унгерн со своей Азиатской конной дивизией 2 ноября 1920 г. перешёл границу Монголии на одном из её восточных участков. Когда он приблизился к Урге, руководство китайских оккупационных войск обратилось за помощью к властям РСФСР и ДВР, и советское правительство приняло решение удовлетворить эту просьбу. 6 ноября 1920 г. командование 5-й Армии в Иркутске получило приказ о подготовке военной экспедиции против Р.Ф. Унгерна, что предусматривало переход монгольской границы. 10 и 27 ноября Г.В. Чичерин направил правительству Китая две ноты с предложением о совместных действиях против белогвардейцев, но ответа не последовало. Без согласия Пекина, а также учитывая угрозу вмешательства Японии, советское руководство в 1920 г. не решилось на ввод войск в Монголию. Тем временем Р.Ф. Унгерн 4 февраля 1921 г. освободил Ургу от китайской оккупации. Эта победа во многом была обеспечена монгольскими войсками, мобилизованными по указу Богдо-хана. Монгольская автономия, таким образом, была восстановлена, но реальная власть в стране фактически отошла к барону

Р.Ф. Унгерну — «освободителю» Монголии. К нему стремились разрозненные белогвардейские части, отошедшие на территорию этой страны, а на севере сконцентрировались китайские войска. Сложившаяся ситуация серьёзно обеспокоила как монгольских революционеров, так и советское руководство. Оставшиеся в Иркутске делегаты МНП обратились 2 ноября 1920 г. в Секцию восточных народов и — через неё — к советским властям с просьбой ввести свои войска в Монголию. Тогда председатель Сибревкома И.Н. Смирнов её отклонил [26, с. 20]. Но уже 17 ноября 1920 г. в Иркутске состоялось совещание советских и монгольских революционеров, где было принято решение о подготовке вооружённой борьбы против китайских войск и Р.Ф. Унгерна в Монголии. Перед революционерами ставились следующие задачи: провести разведку мест дислокации китайских войск и белогвардейских отрядов, осуществлять пропаганду среди монгольского населения о необходимости борьбы с иноземными захватчиками, проводить работу по укреплению национально-освободительного движения, создать народно-революционную армию [3, с. 117].

Джидинский район — Троицкосавск (Кяхта)

Осенью 1920 г., после возвращения из Москвы, Д. Сухэ-Батор и Х. Чойбалсан длительное время находились на полулегальном положении на территории Джидинской долины (Джидинский район Республики Бурятия), а зимой 1921 г. скрывались в Гэгэтуйском и Дырестуйском дацанах. Они выезжали в Желтуру и другие пограничные населённые пункты для встречи с соратниками, занимались формированием партизанских отрядов. Всё это время для получения и передачи оперативной информации о положении дел в Монголии в Троицкосавске оставался Д. Лосол. В конце февраля 1921 г. монгольские революционеры перебрались в Троицкосавск (Кяхту) [15].

ДВР КАК «КОЛЫБЕЛЬ» МОНГОЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1—3 марта 1921 г. в Троицкосавске прошёл первый съезд Монгольской народной партии. Съезд избрал ЦК партии, принял политическую платформу и поставил задачи предстоящей революции: ликвидация империалистического гнёта, завоевание национальной независимости, установление народной власти, демократизация общественной жизни страны. Вскоре МНП вошла в Коминтерн в качестве сочувствующей партии. Тогда же начали формироваться первые четыре полка, положившие начало созданию вооружённых сил Монголии. Приближалось лето 1921 г., а вместе с ним и победоносная Монгольская народная революция.

Таким образом, ДВР из «конспиративной квартиры» будущей Монгольской революции превратилась в её «колыбель».

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Агалаков В.Т. Рабочие Иркутска в борьбе с колчаковщиной (восстание в Иркутске в конце 1919 — начале 1920 г.) // Рабочие Восточной Сибири в борьбе за власть Советов (1917—1922). Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1985. С. 34—58.
2. Базаров Б.В., Жабаяева Л.Б. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX века. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 377 с.
3. Бат-Очир Л., Дашжамц Д. Дамдингийн Сүхбаатар. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1973. 156 х.
4. Вольнец А. ДВР: «Довольно весёлая республика». URL: <https://dv.land/history/dvr> (дата обращения: 05.03.2020).
5. Говло Ю.Н. Государственный строй Дальневосточной республики. Томск: Изд-во ТГУ, 1978. 180 с.
6. Государственная и квазигосударственная природа Маньчжоу-Го: исторические очерки / науч. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2016. 254 с.
7. Грайворонский В.В. Рецензия на: Н. Хишигт. Монголын хувьсгал: 1921 (Монголын үндэсний ардчилсан хувьсгалын түүхийг нэхэн судлахуй). Улаанбаатар: Бэмби Сан, 2011. 299 х. // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2013. № 2. С. 199—206.
8. Григорьев Е. Дальневосточная республика. История одного буферного образования. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5d94d7a24e057700b11807f3/dalnevostochnaia-respublika-zachem-byla-sozdana-i-pochemu-uprazdnena-5d9bc5382f1e4400add26362> (дата обращения: 23.01.2021).
9. Журнал объединённого заседания мирной делегации Политического центра с Реввоенсоветом 5-й Армии и Сибревкомом от 19 января 1920 г. // Сибирские огни. 1927. № 5. С. 140—145.
10. История Монголии. XX век / отв. ред. Г.С. Яскина. М.: ИВ РАН, 2008. 448 с.
11. Курас Л.В. Панмонголизм как проявление этничности монгольского мира в первой четверти XX века. Иркутск: Оттиск, 2017. 188 с.
12. Курас Л.В. Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъёма: первая четверть XX в. Иркутск: Оттиск, 2016. 252 с.
13. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во политической литературы, 1970. Т. 51. 573 с.
14. Лившиц С.Г. Крах Временного правительства автономной Сибири // Вопросы истории. 1974. № 8. С. 87—98.
15. Мельников И.Д. Гражданская война в Джиде. 1918—1921 гг. Сборник статей, воспоминаний и биографических сведений участников Гражданской войны. Улан-Удэ, 2011. 399 с.
16. Наранжаргал Н. Новые источники о первой монгольской делегации в СССР // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук. 2015. № 2. С. 31—34.
17. Никифоров П.М. Записки премьера ДВР: Победа ленинской политики в борьбе с интервенцией на Дальнем Востоке. (1917—1922 гг.). М.: Госполитиздат, 1963. 287 с.
18. Парфёнов (Алтайский) П.С. Борьба за Дальний Восток (1920—1922 гг.). М.: Прибой, 1928. 368 с.
19. Политическая каторга и ссылка: Биографический справочник членов общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев / отв. ред. М.М. Константинов. М.: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. 878 с.

20. Расстрельные списки: Москва, 1937—1953. Донское кладбище [Донской крематорий]: Книга памяти жертв политических репрессий / под ред. Л.С. Ерминой, А.Б. Рогинского. М.: Общество «Мемориал», 2005. 596 с.
21. Российско-монгольское военное сотрудничество (1911—1946): сб. документов: в 2 ч. М.; Улан-Удэ: Изд-во ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. Ч. I. 2008. 349 с.
22. Российско-монгольское военное сотрудничество (1911—1946): сб. документов: в 2 ч. М.; Улан-Удэ: Изд-во ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. Ч. II. 2008. 326 с.
23. Рощин С.К. Политическая история Монголии (1921—1940 гг.). М.: ИВ РАН, 1999. 325 с.
24. Сонин В.В. Становление Дальневосточной республики. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1990. 347 с.
25. Улан-Удэ — 350: история и современность: в 2 т. Т. I. XVII — начало XX в. Иркутск: Оттиск, 2016. 372 с.
26. Хишигт Н. Великая Российская революция 1917 г. и национально-освободительное движение монголов // Сибирь в годы Великой Российской революции. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (к 100-летию революционных событий в России и периоду Гражданской войны и иностранной интервенции). Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2017. С. 14—23.
27. Хишигт Н. Восстановление независимости Монголии в 1911—1921 гг. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2011. № 3. С. 19—35.
28. Хишигт Н. Монголын хувьсгал: 1921 (Монголын ундэсний ардчилсан хувьсгалын туухийг нэхэн судлахуй). Улаанбаатар: Бэмби Сан, 2011. 299 х.
29. Ширямов А. Иркутское восстание и расстрел Колчака // Сибирские огни. 1924. № 4. С. 122—139.
30. РГАСПИ (Рос. гос. арх. соц.-полит. истории).
31. ЦАВСМ (Центр. арх. внешних сношений Монголии).

REFERENCES

1. Agalakov V.T. Rabochie Irkutska v bor'be s kolchakovshchinoy (vosstanie v Irkutske v kontse 1919 — nachale 1920 g.) [Workers of Irkutsk in the Fight against Kolchakism (The Uprising in Irkutsk in Late 1919 — Early 1920)]. *Rabochie Vostochnoy Sibiri v bor'be za vlast' Sovetov (1917—1922)* [Workers of Eastern Siberia in the Struggle for Power of the Soviets (1917—1922)]. Irkutsk, Izd-vo Irkutskogo un-ta Publ., 1985, pp. 34—58. (In Russ.)
2. Bazarov B.V., Zhabaeva L.B. *Buryatskie natsional'nye demokraty i obshchestvenno-politicheskaya mysl' mongol'skikh narodov v pervoy treti XX veka* [Buryat National Democrats and Socio-Political Thought of the Mongolian Peoples in the First Third of the 20th Century]. Ulan-Ude, Izd-vo BNTs SO RAN Publ., 2008, 337 p. (In Russ.)
3. Bat-Ochir L., Dashzhamts D. *Damdingiyn Sykhbaatar* [Biography of Damdiny Sukhe-Bator]. Ulaanbaatar, Ulsyn khevleliyn gazar Publ., 1973, 156 p. (In Mong.)
4. Volynets A. *DVR: "Dovol'no veselaya respublika"* [FER: "Quite a Merry Republic"]. Available at: <https://dv.land/history/dvr> (accessed 03.05.2020). (In Russ.)
5. Govlo Yu.N. *Gosudarstvennyy stroy Dal'nevostochnoy respubliki* [The Political System of the Far Eastern Republic]. Tomsk, Izd-vo TGU Publ., 1978, 180 p. (In Russ.)
6. *Gosudarstvennaya i kvazigosudarstvennaya priroda Man'chzhou-Go: istoricheskie ocherki* [State and Quasi-State Nature of Manzhou-Guo: Historical Essays]. Ed. by B.V. Bazarov. Irkutsk, Ottisk Publ., 2016, 254 p. (In Russ.)

7. Grayvoronskiy V.V. Retsenziya na: N. Khishigt. Mongolyn khuv'sgal: 1921 (Mongolyn yndesniy ardhilsan khuv'sgalyn tyykhiyg nekhen sudlakhuy). Ulaanbaatar: Bambi San, 2011. 299 t. [Review: N. Hishigt. The Mongolian Revolution of 1921 (The Historical Study of the Mongolian National Democratic Revolution). Ulaanbaatar: Bambi Sun, 2011. 299 p.]. *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*, 2013, no. 2, pp. 199—206. (In Russ.)
8. Grigor'ev E. *Dal'nevostochnaya respublika. Istoriya odnogo bufernogo obrazovaniya* [The Far Eastern Republic. The History of One Buffer Formation]. Available at: <https://zen.yandex.ru/media/id/5d94d7a24e057700b11807f3/dalnevostochnaia-respublika-zachem-by-la-sozdana-i-pochemu-uprazdnena-5d9bc5382f1e4400add26362> (accessed 23.01.2021). (In Russ.)
9. Zhurnal ob"edinennogo zasedaniya mirnoy delegatsii Politicheskogo tsentra s Revvoensovetom 5-y Armii i Sibrevkomom ot 19 yanvarya 1920 g. [The Journal of the Joint Meeting of the Peaceful Delegation of the Political Center with the Revolutionary Military Council of the Fifth Army and the Siberian Commissariat of January 19, 1920]. *Sibirskie ogni*, 1927, no. 5, pp. 140—145. (In Russ.)
10. *Istoriya Mongolii. XX vek* [The History of Mongolia. The Twentieth Century]. Ed. by G.S. Yaskina. Moscow, IV RAN Publ., 2008, 448 p. (In Russ.)
11. Kuras L.V. *Panmongolizm kak proyavlenie etnichnosti mongol'skogo mira v pervoy chetverti XX veka* [Pan-Mongolism as a Manifestation of the Ethnicity of the Mongolian World in the First Quarter of the 20th Century]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2017, 188 p. (In Russ.)
12. Kuras L.V. *Transnatsional'naya istoriya mongol'skogo mira v usloviyakh revolyutsionnogo pod"ema: pervaya chetvert' XX v.* [Transnational History of the Mongolian World in the Revolutionary Upsurge: The First Quarter of the 20th Century]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2016, 252 p. (In Russ.)
13. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Moscow, Izd-vo politicheskoy literatury Publ., 1970, vol. 51, 573 p. (In Russ.)
14. Livshits S.G. Krakh Vremennogo pravitel'stva avtonomnoy Sibiri [The Collapse of the Provisional Government of Autonomous Siberia]. *Voprosy istorii*, 1974, no. 8, pp. 87—98. (In Russ.)
15. Mel'nikov I.D. *Grazhdanskaya voyna v Dzhide. 1918—1921 gg. Sbornik statey, vospominaniy i biograficheskikh svedeniy uchastnikov Grazhdanskoy voyny* [The Civil War in Dzhida. 1918—1921. A Collection of Articles, Memoirs and Biographical Information of the Participants of the Civil War]. Ulan-Ude, 2011, 399 p. (In Russ.)
16. Naranzhargal N. Novye istochniki o pervoy mongol'skoy delegatsii v SSSR [New Sources about the First Mongolian Delegation in the USSR]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy Rossiyskoy akademii nauk*, 2015, no. 2, pp. 31—34. (In Russ.)
17. Nikiforov P.M. *Zapiski prem'era DVR: Pobeda leninskoy politiki v bor'be s interventsiey na Dal'nem Vostoke. (1917—1922 gg.)* [Notes by the FER Prime Minister: The Victory of Leninist Politics in the Fight against Intervention in the Far East. (1917—1922)]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1963, 287 p. (In Russ.)
18. Parfenov (Altayskiy) P.S. *Bor'ba za Dal'niy Vostok (1920—1922 gg.)* [The Struggle for the Far East (1920—1922)]. Moscow, Priboy Publ., 1928, 368 p. (In Russ.)
19. *Politicheskaya katorga i ssylka: Biograficheskiy spravochnik chlenov obshchestva politkatorzhan i ssyl'noposelentsev* [Political Penal Servitude and Exile: Biographical Reference Book of Members of the Society of Political Prisoners and Exiled Settlers]. Ed. by M.M. Konstantinov. Moscow, Vsesoyuznoe obshchestvo politkatorzhan i ssyl'noposelentsev Publ., 1934, 878 p. (In Russ.)

20. *Rasstrel'nye spiski: Moskva, 1937—1953. Donskoe kladbishche [Donskoy krematoriy]: Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy [Execution Lists: Moscow, 1937—1953. Don Cemetery [Don Crematorium]: Memorial Book of Victims of Political Repressions]*. Ed. by L.S. Eremina, A.B. Roginskiy. Moscow, Obshchestvo “Memorial” Publ., 2005, 596 p. (In Russ.)
21. *Rossiysko-mongol'skoe voennoe sotrudnichestvo (1911—1946): sb. dokumentov: v 2 ch. [Russian-Mongolian Military Cooperation (1911—1946). Collection of Documents: In Two Parts]*. Moscow, Ulan-Ude, Izd-vo IPK FGOU VPO VSGAKI Publ., 2008, part 1, 349 p. (In Russ.)
22. *Rossiysko-mongol'skoye voyennoye sotrudnichestvo (1911—1946): sb. dokumentov: v 2 ch. [Russian-Mongolian Military Cooperation (1911—1946). Collection of Documents: In Two Parts]*. Moscow, Ulan-Ude, Izd-vo IPK FGOU VPO VSGAKI Publ., 2008, part 2, 326 p. (In Russ.)
23. Roshchin S.K. *Politicheskaya istoriya Mongolii (1921—1940 gg.) [The Political History of Mongolia (1921—1940)]*. Moscow, IV RAN Publ., 1999, 325 p. (In Russ.)
24. Sonin V.V. *Stanovlenie Dal'nevostochnoy respubliki [The Formation of the Far Eastern Republic]*. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevostochnogo universiteta Publ., 1990, 347 p. (In Russ.)
25. *Ulan-Ude — 350: istoriya i sovremennost': v 2 t. T. I. XVII — nachalo XX v. [Ulan-Ude — 350: History and Modernity. In Two Volumes. Vol. 1. The 17th Century — the Beginning of the 20th Century]*. Irkutsk, Ottisk Publ., 2016, 372 p. (In Russ.)
26. Khishigt N. *Velikaya Rossiyskaya revolyutsiya 1917 g. i natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie mongolov [The Great Russian Revolution of 1917 and the National Liberation Movement of the Mongols]. Sibir' v gody Velikoy Rossiyskoy revolyutsii. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (k 100-letiyu revolyutsionnykh sobytiiy v Rossii i periody Grazhdanskoj vojny i inostrannoj interventsii) [Siberia during the Great Russian Revolution. Proceedings of the All-Russian Applied Research Conference with International Participation (On the 100th Anniversary of the Revolutionary Events in Russia and the Period of the Civil War and Intervention)]*. Ulan-Ude, Izd-vo VSGUTU Publ., 2017, pp. 14—23. (In Russ.)
27. Khishigt N. *Vosstanovlenie nezavisimosti Mongolii v 1911—1921 gg. [Restoration of the Independence of Mongolia in 1911—1921]*. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 2011, no. 3, pp. 19—35. (In Russ.)
28. Khishigt N. *Mongolyn khuv'sgal: 1921 (Mongolyn undesniy ardchilsan khuv'sgalyn tuukhiyg nekhen sudlakhuy) [The Mongolian Revolution of 1921 (The Historical Study of the Mongolian National Democratic Revolution)]*. Ulaanbaatar, Bembi San Publ., 2011, 299 p. (In Mong.)
29. Shiryamov A. *Irkutskoe vosstanie i rasstrel Kolchaka [The Uprising in Irkutsk and the Execution of Kolchak]*. *Sibirskie ogni*, 1924, no. 4, pp. 122—139. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 22.06.2020